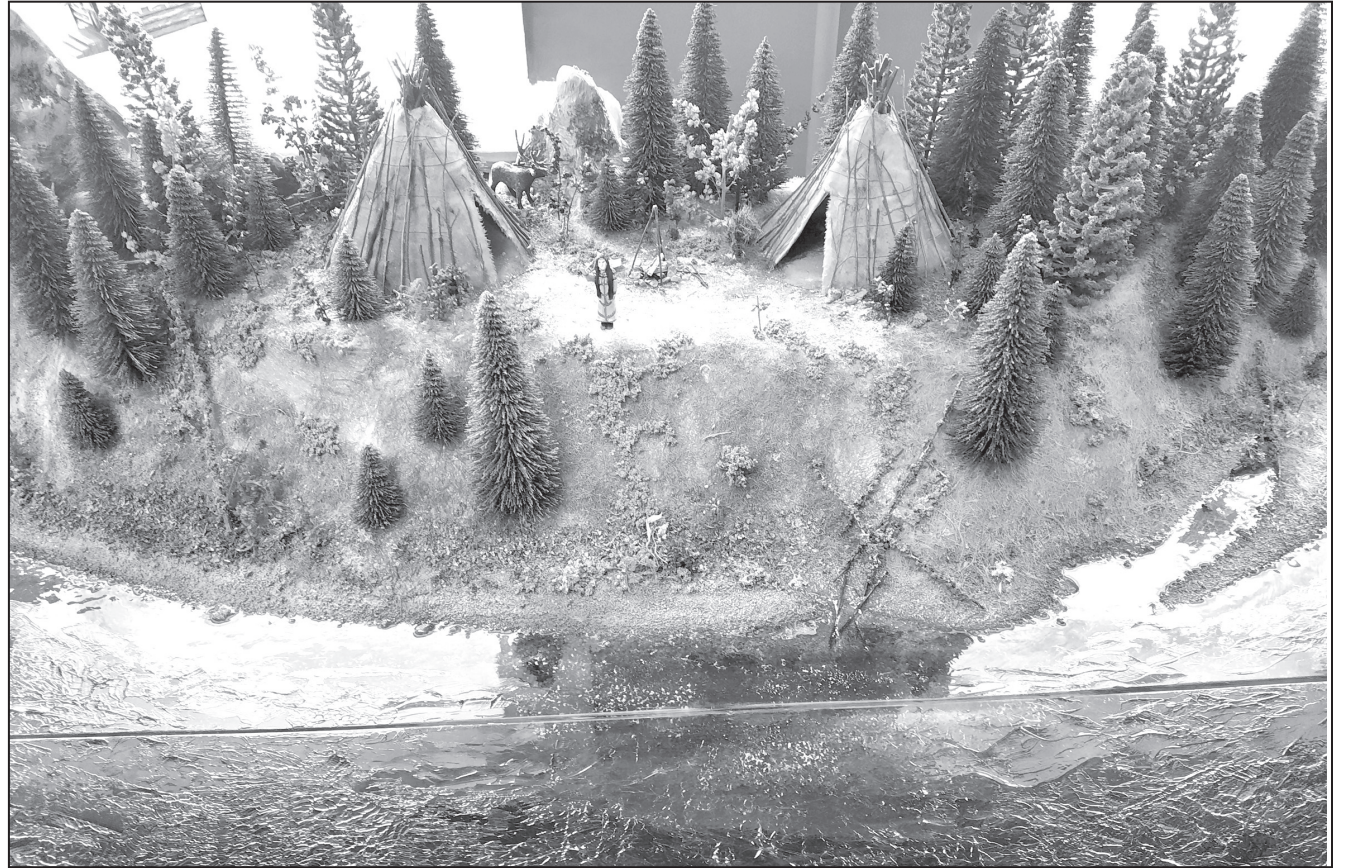


80 лет - Заплавный С.А.	12 мая
60 лет - Барчук Д.В.	30 мая
60 лет - Клименко Е.В.	15 января
60 лет - Чубковец В.А.	7 мая

## ШИШКОВ - ЗОЛОТО СИБИРИ

В ОБЛАСТНОМ ДОМЕ ИСКУССТВ ОТКРЫЛАСЬ НОВАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ В РАМКАХ ПРОЕКТА, ПОДДЕРЖАННОГО ПРЕЗИДЕНТСКИМ ФОНДОМ КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

Основным лейтмотивом постоянной выставки стал главный роман писателя «Угрюм-река», где автор повествует о драматических судьбах людей 19-20 века, которые были втянуты в мир наживы и рвачества. Открывает выставку видеоролик под названием «Томск глазами Шишкова», где с помощью техники оживления фотографии, мы увидим город таким, каким увидел его впервые молодой В. Шишков, когда впервые приехал в Томск в 1894 году. Основная часть экспозиции – это интерактивные макеты, которые шаг за шагом будут погружать вас в основную сюжетную линию произведения, рассказывая о путешествиях главных персонажей Прохора Громова и Ибрагима-оглы. Расскажем



о колоритном купеческом быте, а также о повседневной жизни рабочих на приисках. Создан макет, иллюстрирующий купеческие интерьеры, домашний уклад рабочих и их тяжелые трудовые будни. Каждый посетитель познакомится с историей «Сибирской золотой лихорадки», которая является одним из основных мотивов романа «Угрюм-река», и которая существенно повлияла на культуру и архитектуру Томска. В экспозиции будут представлены инструменты, которыми добывали и промывали золото

рабочие на приисках, а также карта, где собраны самые богатые месторождения золота в необъятной и свирепой дореволюционной Сибири.

Приглашаем каждого ценителя сибирской классики, фольклора и истории родного города посетить экспозицию уже в мае по адресу: ул. Шишкова, 10.

**Ирина ФРАНК,**  
пиар-менеджер Дома искусств.  
На снимках - фрагменты экспозиции.

## ПО УЛИЦАМ СТАРОГО ГОРОДА

Так называется новый проект, получивший грант Президента Российской Федерации

Исторический центр города Томска, в котором в 1604 году и началась его история, имеет особый шарм и привлекает многих гостей и жителей города. Однако большая часть этой территории находится в забвении, так как она спрятана за фасадами нарядной центральной улицы Ленина. При этом сердце Томска начало биться именно там - на забытых улицах Старого города. Понимая важность сохранения данного района («болото» - как обидно называют этот район местные жители), мы провели субботники, выставки и городские фестивали на территории усадьбы великого русского писателя В.Я. Шишкова, которая находится на этом самом «болоте».

Но для сохранения целостного образа данного района необходимы комплексные меры. В команду проекта входят сотрудники музея «Дом искусств» им. В.Я. Шишкова, общественные активисты, урбанисты, представители индустрии гостеприимства, экскурсоводы и гиды

Томска. Мы объединились для того, чтобы по-другому посмотреть на решение проблемы затухающего района. В рамках нашего проекта, будет организован цикл мероприятий. Создадим и установим арт-объект, который будет представлять собой информационный путеводитель по центру старого Томска в художественной стилистике. Объект будет расположен на утраченном здании, где раньше была баня №7, принадлежавшая купцу Завьялову.

В данный момент команда совместно с экспертами, разрабатывает маршрут по историческому центру. Так же в рамках проекта «По улицам старого города» пройдет субботник, к участию в котором приглашаем всех неравнодушных к истории города людей, которые хотят внести свой вклад и помочь нам вновь вдохнуть жизнь в эти улицы.

**КОМАНДА ПРОЕКТА.**

На снимках: арт-объект – до и после.



# До листьев опавших, до первой пороши



Родилась в 1992 г. в Северске Томской области. Окончила факультет журналистики Томского государственного университета и аспирантуру Томского политехнического университета по специальности «Русский язык». Кандидат филологических наук. Работает в Томском государственном архитектурно-строительном университете, преподаёт русский язык как иностранный.

Член Союза писателей России, автор нескольких поэтических сборников. Лауреат Томской губернаторской литературной премии.

\*\*\*

Успеть бы немного  
До первого снега:  
Не то чтоб дорогу  
Осилить с разбега,  
Полшага — не дальше!  
Полслова — не больше!  
До листьев опавших,  
До первой пороши,  
Где след голубиный  
И след человеческий  
И невозвратимы,  
И недолговечны,  
И всем не до смеха,  
И всем на работу,

А мне бы до снега  
Запомнить хоть что-то,  
До скрипа, до хруста,  
До боли запомнить,  
Как в городе пусто,  
Как в комнатах томно,  
И холод по коже,  
И слабость, и негу,  
Которые тоже  
До первого снега,  
До снега — а дальше  
Всё будет в порядке.

Но как это страшно.  
И как это сладко.

\*\*\*

Раньше твердила, пряча за тем уныние:  
Жизнь бессюжетна и только тем хороша,  
Но теперь я живу и вижу вокруг сплошные  
Акты, ремарки, поклоны и антраша.  
Значит, сюжет. Оперный или балетный,  
Литературный — тоже не дай Господь,  
Где начинается день, непременно летний,  
Или кончается самый счастливый год.  
Значит, любовь. Ибо нет без любви сюжета.  
Это канон, та belle, так иди к венцу  
С тем, у кого ничего, кроме бюджета  
И эпологов. Белый тебе к лицу.  
Значит, финал. Ибо нет любви без финала,  
Смятое платье, вечер, письмо, дуэль,  
Ты опоздала. Ты ни о чём не знала.  
Всё по канону. Нет ничего, та belle.  
Станешь монахиней, нищенкой ли, вилисой  
Или уедешь заливать раны в Рим,  
Это уже постскриптим и взмах кулисы.  
Значит, об этом позже договорим.  
Значит, теперь оставим тебя на верной,  
Долгой дороге в сырую юдоль отцов.  
А первому, кто заикнётся о постмодерне,  
Посмейся в лицо и вдогонку швырни кольцо.  
Я же твержу, как безумец, забившись в угол,  
Прочь ото всех этак и аллонже:

Жизнь бессюжетна, и это её погубит,  
Жизнь бессюжетна!

Дайте другой сюжет.

\*\*\*

Здесь не звенеть ключам, не гореть свечам.  
Здесь ни святых мощей, ни чужих вещей.  
Сердце моё теперь не твоя печаль.  
Сердце моё теперь не печаль вообще.  
Что тебе сердце? Чёрный свечной нагар.  
Яблочный сахар, горькая пастила.  
Там, где оно пропустило один удар,  
Смерть улыбнулась, но стороной прошла.  
Здесь не гореть кострам, не звенеть ветрам,  
Здесь не гремит броня, не живёт родня.  
Но в незаметных потёках кардиограмм  
Что-то ещё случается для меня.

\*\*\*

Нелюбимые дети морской стихии  
За прибрежным гулом скрывают стоны,  
Я хотела писать о тебе стихи, и  
Такие, чтоб были тебя достойны,  
Чтобы отзвук тихой протяжной песни  
По воде дошел до тебя однажды,  
И морская вода обернулась пресной  
У тебя в ладонях в минуту жажды,  
Затянулись шрамы, свернулись шторы  
В шепоток ракушки, шнурком обвитой,  
А иначе где мы. Иначе — что мы,  
Нелюбимые дети подводной битвы,  
О какие камни сбиваем пальцы,  
У какой скалы обрели post mortem?  
Не живут у берега землепашцы.  
Только те, кого не забрали в море.

**Томская писательская организация поздравляет Софью Рубакову с юбилеем. Желает ей крепкого здоровья и успехов.**

Ольга АНИКУШИНА

## Массажист. Укротитель драконов

\*\*\*

Мишка, обаятельный массажист лет тридцати пяти, всё ещё обожал свою работу, до азарта. Сеанс представлялся ему трапезой. В тот день на первое подавали «свеженькое мясо»: финансового директора Игоря Петровича. Кабанчик в теле.

Следы мёртвой хватки Excel'евских таблиц спускались складками по плечевому поясу к ягодичам.

«Отформатирую, но не за десять раз, — подумал махровый кинестетик, — разделаю финдиректора, как бог черепахи. Так... Шее — хана: работать и работать. На пояснице можно ставить крест. Шанс воскресить есть, дай только время».

Недавно он прошёл курсы новой техники массажа — смесь классики и гештальт-терапии.

Пока не решался применять, рекламировал клиенту между делом: «Мышечный зажим — диверсант: сколько не мни его, будет по-пластунски возвращаться назад, гад, пока есть триггер».

Мял плоды благополучия и сытой жизни, свисающие по бокам, и продолжал: «Любой спазм поселяется не на ровном месте. Он вваливается в тело с компанией обиды, злости или ещё какой-нибудь беды и связывает мышцу болевым канатом. Если убрать причину, ситуацию, застрявшую в теле, мышца расслабится, спазм отпустит».

Игорь Петрович любил цифры, тишину, порядок, а треп — нет: сполз со стола и так зыркнул на Михаила, словно хотел стереть грубую ошибку в годовом отчёте.

За шумом слов толк в теле оценить сложно.

\*\*\*

Кинестетический азарт массажиста обрушился на второе блюдо — стерлядку Ирину Марковну.

Не технолог с рыбозавода, а вселенская печаль в очках. Носогубка едва шевельнула коромыслом скорби и скрипнула: «Здравствуйте».

При подаче на массажный стол хребет не распрямился — скифский курган надёжно защищал или хоронил сердце. У кардиолога наблюдается?

Да, — от её согласия рёбра проступили жёсткими прутьями рыболовной верши.\*

Плавники лопаток съехали: один вело на юг, вниз, к морю, другой уносило в Берингов пролив.

— Эх, при таком раскладе, рыба моя, вы далеко не уплывете. Сдаётся мне, блок в теле — реакция на слово колкое в ваш адрес или хамство. Его надо убирать. Попробуем?

Стерлядь молчала. Ну, а чего с неё взять? Рыба и есть. Хватала воздух ртом, и чешуя терпения каменела. Ирина Марковна пошевелила сухим вялым хвостом и уплыла до завтра.

\*\*\*

На третье мастеру массажных техник подали десерт. Шикарный. Пышногрудый.

— Лариса, проходите, — голос стал ниже, бархатней и глубже. Обаяние включилось на полную громкость.

Две недели он радовался ей, как мальчишка. Сегодня грустно: завершающий сеанс.

Краем глаза мужчина отметил, как два больших белых шарика «домашнего мороженого» плюхнулись на стол: — Я готова.



**Об авторе.** Аникушина Ольга Николаевна. Родилась в 1970 году в г. Томске. Окончила Томский государственный университет, философский факультет. Кандидат философских наук. Автор художественных миниатюр.

Запахи свежести от нового блюда едва заметными миражами появлялись и исчезали: цветы жасмина, апельсиновый сок, терпкий чай, древесина и сладость.

Лето, отдых, пальмы и она, — мечта! Кожа шёлк.

Какой кондитер так любя её придумал? Мягкая равнинная волнистость.

Сухие руки — золотое правило Михаила. Последний раз он пользовался маслом лет десять назад, на заре своей карьеры, когда после мединститута работал с грудничками.

Но сейчас, чуть смущаясь самого себя, нанёс каплю иланг-иланга на каждую ладонь. Купил сегодня специально для неё.

— Как ваши дела, Лариса?

— Голова болит со вчерашнего обеда: затылок ломит и виски.

— Давайте попробуем новую технику? Поработаем вместе через образы. Согласны?

— Да, — кивнула заложница боли.

Память тут же открыла нужную страницу: «Тактика освобождения и образ должна быть предложены самим клиентом. Никакого навязывания своих стратегий и картин. Только следовать и помогать».

Он слегка надавил на затылок:

— Здесь?

— Нет. Чуть пониже.

— На что она похожа, ваша боль?

— Не знаю, — Лариса прислушалась к себе, — наверное, на что-то мерзкое и твёрдое. Холодная кожа дракона. Точно!

Наползает от затылка на виски и лоб, охватывает голову панцирем и каменеет.

— Панцирем?

— Да. У меня тяжёлая зелёная голова дракона с наростами и шипами. Давит невыносимо. Боль пропитывает и

растает в кожу бородавками. Чувствую, что превращаюсь в рептилию. Ужас. Аж страшно.

— Когда эта боль впервые появилась? Вы сказали, вчера?

— Нет, наверное, пару месяцев назад. Нападает неожиданно по утрам, перед работой.

— А что у вас пару месяцев назад произошло?

— Ничего, вроде. Хотя... Тогда к нам пришёл новый начальник. Ужасный мозгоклюв. Придирается по каждому поводу. Сил уже нет... Ой! Больше стало.

Михаил осторожно уточнил:

— Как чувствуете, что можно сделать с панцирем? — руки массажиста продолжали сжимать голову.

— Так хочется снять эту маску зверя. А она впечатывается, липнет. Больно каждой клетке, снаружи и внутри. Бред какой-то: монстром себя чувствую, динозавром. Кому рассказать, не поверят... Боль меняться стала, жарит пеклом. Я становлюсь Горынычем. Зверью. Плевать огнём хочу. Злопыхать.

— Злопыхайте, — подбадривал спаситель, — Дышите глубже. С голосом выдыхайте — можно. Смелее. Громче.

— Ха-а-а-а-а, — шипящий змеиный хриплый выдох перешёл в рык, — ра-а-а-а-а.

— Вот так. Умница. Всё хорошо. Пусть злость выходит. Сейчас будем снимать. Как лучше к панцирю мне подбаться, с какой стороны легче снять?

— Не знаю. Может быть, от шеи вверх?

— Добро. Сейчас, — он осторожными движениями ощупал основание черепа и начал отдиравать невидимый шлем от головы.

Жертва помогала всем телом и рычала:

— Тяните меня прям за волосы... Сильнее. Да. Ещё. Кажется, поддаётся. Вот. Он уже сползает. Ещё сильнее. Да не церемоньтесь вы! Тяните же!

Воин массажа разгорячился. Одной рукой он упирался в стол, второй наматал на кулак хвост блондинки и безжалостно тянул женский скальп изо всей силы вверх:

— Что видите?

Разгоряченная бордовая и запыхавшаяся Лариса наконец выдохнула:

— Фух, отцепился, зараза, — её глаза блестели, — Ну надо же, это что-то нереальное. В страшной сказке побы-

вала. Брр.

— Какая голова сейчас?

— Довольная. Не болит. Там хорошо и чисто, — девушка засмеялась звонко.

Он любовался. Правду говорят, что «лучший изгиб на теле женщины — её улыбка».\*

— А как теперь там, где был шлем, панцирь?

— Хорошо: просто голова. И лёгкость. Что вы сделали?

Михаил с напускной важностью произнёс:

— Я победил дракона! И освободил вас, о, принцесса!

— Чудеса какие-то. Вы мой рыцарь. Спасибо.

— По-моему, прекрасная точка в нашей работе.

— Михаил Иванович, вы — супер!

— Предлагаю перейти на ты и отпраздновать нашу победу в кафе.

— Я не против.

\*\*\*

Говорят, что драконов не существует. Пусть не рассказывают сказки. Мы-то с вами знаем, что их полно. И рыцари в наши время не перевелись.

\*Верша — рыболовная снасть в виде воронки из прутьев или проволоки.

\*Лучший изгиб на теле женщины — её улыбка. Боб Марли. ©